

Экспедиция Н.И. Ашинова, споры о самодержавии и борьба группировок в правительстве Александра III

Александр Полунов

**Expedition of N.I. Ashinov, Dispute over Autocracy,
and the Fight of Governmental Factions under Alexander III**

Alexander Polunov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870007421-4

В 1883 г. в салонах и редакциях газет и журналов, на заседаниях общественных организаций Москвы и Петербурга начал появляться необычный человек, облик и манеры которого привлекали всеобщее внимание. Своим поведением он нарочито бросал вызов принятым в обществе нормам, внося элемент варварства, как считали недоброжелатели, или, наоборот, искренности и безыскусности, как казалось его сторонникам. Во время обеда экзотический посетитель, одетый в черкеску и носивший кинжал, «ничего не пил за столом или же пил только из чужих рюмок и из чужих стаканов», объясняя это своим страхом быть отравленным. Он изъяснялся простонародным языком, ко всем обращался на «ты», бесстрашно «звал холопскими полуименами государственных людей», «охлопывал по плечам приближавшихся к нему за трапезой генералов», снисходительно называл гостей «дурашками»¹, производя впечатление человека из далёких стран, если не из другой эпохи. Это был Николай Иванович Ашинов (1856—1902), приехавший, по его словам, по поручению «вольного казачества» — многочисленного сообщества людей, оказавшихся в силу разных причин за пределами России, но сохранивших верность царю, преданность православной вере и приверженность традиционному русскому укладу жизни. Они будто бы обитали у границ России, на северо-востоке Турции и северо-западе Персии, у берегов Каспийского моря, но искали поживы и приключений в самых разных землях — от Африки до Месопотамии.

Встречаясь с чиновниками и общественными деятелями, «атаман» выдвинул два в равной мере фантастических проекта. Вначале он предложил организовать переселение «вольных казаков» в Россию, на побережье Кавказа и создать там «Черноморское казачье войско», а затем — направить казачью экспедицию в Эфиопию (Абиссинию, как тогда говорили), дабы помочь чернокожим христианам в борьбе против мусульман и европейских колонизаторов. Довольно быстро выяснилось, что «вольные казаки» — фикция, а Ашинов — самозванец. Экспедицию в Эфиопию он всё же организовал, но закончилась она трагедией: «атаман» и его спутники, попытавшиеся основать поселение на

© 2019 г. А.Ю. Полунов

¹ Лесков Н.С. Неоценённые услуги. Отрывки из воспоминаний // Знамя. 1992. № 1. С. 159.

берегу Красного моря, были обстреляны французской эскадрой (в Париже считали эту территорию своей) и вывезены в Россию. Однако первоначально это предприятие привлекало внимание, а иногда и сочувствие многих известных и влиятельных современников.

К настоящему времени деятельность Ашинова исследована достаточно полно. А.В. Луночкин осветил основные её вехи, связанные с попытками создания казачьего войска на Кавказе и организацией экспедиции в Эфиопию, проанализировал его связи и положение в обществе, проследил соотношение начинаний «атамана» с широким распространением идей национализма и консервативно-религиозных настроений, с увлечением допетровской стариной и восприятием «простого народа» как главного носителя охранительных начал². Ряд ключевых аспектов экспедиции Ашинова изучен С.В. Григорьевой³. Важная информация о попытках проникновения «вольных казаков» в Эфиопию содержится в работах А.В. Хренкова⁴. Исследователь рассмотрел контакты «атамана» с видными российскими дипломатами и выявил среди них различные группировки, которые стремились порою проводить собственную политику, противоречившую курсу руководства МИД. Как отмечает исследователь, «Ашинов и его “миссия” оказались лишь одной из многих жертв этого соперничества, зёрнышком в жерновах большой политики»⁵. Соглашаясь с этим выводом, следует всё же признать, что «атаман» не был пассивным участником внутриправительственных столкновений, но сам энергично их провоцировал, стремясь обратить себе на пользу и чутко улавливая изменения в настроениях общества и правящих сфер.

Характерной чертой этих настроений в 1870—1880-х гг. являлось глубокое недоверие самых различных общественных кругов к бюрократии и к бюрократической системе управления. Примечательно, что среди консервативно настроенных сторонников самобытного развития России, оно было распространено почти так же широко, как и среди либералов-западников. Чиновничество, особенно столичное, воспринималось консерваторами как общественный слой, оторванный от массы «простого народа», преданного царю и хранившего в себе начала истинной религиозности. Считалось также, что, будучи близки по взглядам, вкусам и образу жизни к интеллигенции (лицам «свободных профессий»), многие бюрократы втайне сочувствуют парламентаризму. В начале 1880-х гг., по словам современника, «господствовало мнение, что трагическая кончина императора Александра II воочию доказала несостоятельность полицейско-бюрократического строя... что измена проникла в бюрократическую среду, в то время как народное сознание, глубоко потрясённое кровавым злодеянием 1-го марта 1881 года является гораздо более надёжной опорой пре-

² Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999.

³ Григорьева С.В. Н.И. Ашинов: африканская эпопея атамана «вольных казаков» // Слава и забвение. Парадоксы биографики. СПб., 2014.

⁴ Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992; Хренков А.В. Фальшивое посольство негуса Эфиопии // Азия и Африка сегодня. 2005. № 12; Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. Вып. 27. М., 1991.

⁵ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 50.

стола и государства, чем отравленная европейским либерализмом, подкупная, насквозь прогнившая бюрократическая среда»⁶.

Представление о том, что бюрократия (включая высшую) способна на предательство, и, возможно, уже вступила в сговор с революционерами, разделяли даже весьма высокопоставленные особы. «В III отделении, судя по всему, сидят или совсем ничего не понимающие люди, или вовсе изменники..., — писал 16 мая 1879 г. вел. кн. Александру Александровичу его бывший наставник, член Государственного совета К.П. Победоносцев, ставший затем одним из самых влиятельных политиков нового царствования. — Возможно ли надеяться на открытие преступников, когда честные люди, знающие виновных, не решаются открыть этого, ибо действовать можно лишь через III отделение, а там орудуют тайные сообщники злодеев»⁷. Более того, по мнению Победоносцева и ряда других охранителей, «все простые русские люди» подозревали в измене и связях с заговорщиками брата Александра II — председателя Государственного совета и главу морского ведомства вел. кн. Константина Николаевича, известного своим либерализмом. «Сегодня было у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце, — писал Константин Петрович Александру III 3 марта 1881 г., прямо указывая на резиденцию великого князя. — Мысль эта вкоренилась в народе»⁸.

Испытывая недоверие к чиновничеству, консерваторы распространяли его и на всю систему бюрократических институтов, формализованных норм и правил, составлявших суть «регулярного государства», которое российские монархи строили с начала XVIII в. К концу XIX столетия консерваторам всё чаще казалось, что данная система начала стеснять и искажать самодержавное правление, мешая свободному проявлению воли царя и способностей наиболее талантливых администраторов. «На всяком шагу, — заявлял в 1890-х гг. Победоносцев в «Московском сборнике», — тот, кто призван действовать и распоряжаться, должен боязливо осматриваться во все стороны, как бы не нарушить то или иное правило, ту или иную формальность, предписанную в том или другом законе. Вследствие того с умножением законов ослабляется нередко необходимая для управления энергия властей»⁹. На местах административная деятельность представлялась полностью парализованной. «Их власть, — писал Победоносцев Александру III о губернаторах 23 сентября 1888 г., — вся связана узами, их распоряжения — в зависимости от министерских канцелярий, их воля не имеет твёрдости и единства, если ими не управляет твёрдо воля главного начальника, имеющего особые полномочия»¹⁰. Выход из сложившегося положения виделся в том, чтобы положиться на людей решительных, духовно близких народу и способных действовать неформально, без оглядки на сковывающие их бюрократические нормы и регламенты.

В 1881—1882 гг. наиболее яркими представителями подобного стиля стали санкт-петербургский градоначальник Н.М. Баранов и министр внутренних дел гр. Н.П. Игнатьев, занявшие свои посты не без участия Победоносцева. Оба

⁶ Несостоявшийся Земский собор (исторические воспоминания) // Море. 1906. № 21—22. С. 742.

⁷ Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М., 1925. С. 206.

⁸ Там же. С. 315.

⁹ Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения / Публ. А.И. Пешкова. СПб., 1996. С. 321.

¹⁰ Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 198.

администратора были чужаками во вверенных им учреждениях. Баранов, решительный, но склонный к авантюризму морской офицер, прославившийся во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., оказался затем втянут в конфликт с Морским министерством и был уволен со службы после судебного процесса, что обеспечило ему симпатии противников вел. кн. Константина Николаевича. Игнатъев, в 1864—1877 гг. представлявший Россию в Константинополе, имел репутацию славянофила, пытавшегося изменить официальную политику МИД, недостаточно активно защищавшего интересы славян. И Баранов, и Игнатъев были сторонниками максимально личностного, неформального подхода к решению правительственных задач. Так, гр. Игнатъев пытался доказать сановникам «необходимость обсуждать государственные вопросы со сведущими людьми» из провинции, в чём министр видел «противодействие бюрократическому способу государственного управления», который казался ему «не соответствующим действительным нуждам такой громадной и разнообразной страны, как Россия». «Я был слишком чужд бюрократического мира, — вспоминал граф, — и разделял со всеми чисто русскими людьми предубеждения к плодотворности чисто канцелярской, чиновничьей работы»¹¹.

Попытки ввести небюрократические начала в самодержавную систему управления выражались у двух администраторов в самых разных формах. Так, при столичном градоначальнике был образован выборный совет, призванный помогать ему при наведении порядка. Созданная при совете подкомиссия по охране царя стала предшественницей знаменитой Святой дружины — добровольного тайного общества, пытавшегося бороться с революционным движением параллельно с полицией и жандармами¹². Игнатъев примерно с той же целью выдвинул проект организации артелей дворников и швейцаров и задумал осуществить массовую чистку чиновников, при которой предстояло уволить всех, кто «дозволяет себе критиковать или разбирать правительственные распоряжения не во время и не на месте, указанных законами», либо «будут стремиться изменять сущность законов или отданных им приказов в зависимости от личных убеждений, не согласных с действующими положениями и распоряжениями начальства». «Редкий чиновник, — заявлял гр. Игнатъев в одной из адресованных царю записок, — не осуждает правительство и начальство и редкий не считает себя вправе действовать по своим личным убеждениям». По мнению министра, на большинство служащих нельзя было «смотреть иначе, как на действительных инициаторов революционного движения». Александр III фактически солидаризовался с этими оценками, отметив: «Умно и хорошо составлена записка, а главное, что всё это чистейшая правда, к сожалению»¹³.

Финал министерской деятельности гр. Игнатъева, как известно, был связан с его попыткой добиться согласия царя на созыв Земского собора, в чём графа активно поддерживал И.С. Аксаков. Рассматриваемый как некая национально-самобытная форма представительства, собор должен был обеспечить прямую, не опосредованную бюрократическим «средостением» связь монарха с поместным дворянством, патриархальным купечеством и крестьянством, ду-

¹¹ Игнатъев Н.П. Земский собор / Публ. И.В. Лукоянова. СПб.; Кишенёв, 2000. С. 85—86.

¹² Подробнее см.: Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с кр. м. 1881—1882 гг. По неизданным документам / Под ред. Р.Ш. Ганелина. СПб., 2012.

¹³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1964. С. 306—311, 382—384, 393—396.

ховенством. Его созыв, как уверял гр. Игнатьева Аксаков, наметил бы «выход из положения, способный посрамить все конституции в мире, нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на её исторической, политической и национальной основе»¹⁴. Однако Александр III подобных иллюзий не питал, и в мае 1882 г. министр-славянофил лишился своей должности; ещё раньше, в августе 1881 г., Баранов был перемещён на пост архангельского губернатора. Однако запрос на людей, способных действовать неформальным, небюрократическим путём, оживляя изнутри государственную машину самодержавия, сохранялся. Это, а также усилившийся с начала 1880-х гг. поиск основ национальной самобытности, стремление к опоре на традиционные начала общественного порядка, и создало почву для во многом неожиданного успеха Ашинова в «верхах»¹⁵.

Русские сановники и общественные деятели, особенно консервативно настроенные, по словам писателя Г.И. Успенского, с интересом внимали историям Ашинова, поскольку их привлекали «известия о каком-то человеке “нашем”, русском, в котором живо-живёхонько что-то “удалое, молодецкое”, что-то роднящее нас... с вольными “добрыми молодцами”, которые, однако же, крест Христов везут к басурманам и нехристям»¹⁶. На фоне провалов официальной дипломатии, из-за которых, в частности, Россия утратила к середине 1880-х гг. свои позиции на Балканах, вдруг выяснялось, что многие отдалённые и критически важные для государства регионы за рубежом населены русскими людьми — носителями традиционно-монархических воззрений, которые по зову царя готовы решить любые проблемы, причём сделать это быстро, «одним ударом», не вдаваясь в сложные хитросплетения международной политики. «Вольные казаки», как заявлял Ашинов одному из своих покровителей — инженеру и общественному деятелю В.А. Панаеву, «бывали и в Персии, и заглядывали в Индию... ходили тоже в Судан», готовы двинуться в Афганистан. «Коли царь клич кликнет, — говорил “атаман” — то соберётся немалая сила... и где пройдем, там чисто будет»¹⁷.

При этом, пытаясь заинтересовать своими планами высокопоставленных покровителей, самозванный «вольный казак» мог оперировать и вполне рациональными политическими, экономическими и стратегическими аргументами, легко переносясь из создаваемого им мира волшебной сказки в суровую реальность конца XIX в. Особенно часто при подготовке эфиопской экспедиции Ашинов ссылаясь на возможность в случае проникновения в Абиссинию укрепить позиции России на международных торговых путях и одновременно осложнить положение её главного соперника — Англии. «Почему же России не занять, — писал “атаман” Победоносцеву 18 декабря 1888 г. про опорный

¹⁴ Там же. С. 452.

¹⁵ Происхождение и основные вехи биографии «вольного казака» до сих пор вызывают вопросы. По данным А.В. Луночкина, Н.И. Ашинов был сыном разбогатевшего крестьянина, в прошлом крепостного, владевшего имением в окрестностях Царицына. Учился в Саратовской гимназии, но не закончил её. Возможно, имел родственников среди терских казаков и сам бывал на Тереке, где и проникся мыслью придать своим предприятиям казачий антураж (*Луночкин А.В.* «Атаман вольных казаков»... С. 9—12). Согласно полицейской справке, составленной после провала экспедиции Ашинова, он значился «царицынским купеческим сыном», окончившим курс в Николаевском кавалерийском училище (ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. I, л. 13).

¹⁶ *Успенский Г.И.* Из очерка «Суетные попытки развеселить скучающую публику» (1889) // Глеб Успенский. Материалы и исследования. М.; Л., 1938. С. 72—73.

¹⁷ Из воспоминаний В.А. Панаева // Русская старина. 1906. № 11. С. 426.

пункт на берегу Красного моря, — нам ещё нужнее, если мы развиваем торговлю с востоком, как с Владивостоком, а Абиссиния это ключ всего Египта и Африки, и кто будет владеть Абиссинией, тот будет владеть и всемирным путём»¹⁸.

Однако намечаемые Ашиновым начинания вызывали у консерваторов интерес не только потому, что они открывали заманчивые внешнеполитические перспективы. Им явно импонировал общественный уклад «вольных казаков», описываемый «атаманом», и прежде всего его первозданная простота, отсутствие юридического формализма и бюрократического крючкотворства. «У нас ни кассиров, ни счётчиков, ни шнуровых книг нет, потому что мы люди малограмотные и боимся таких порядков, — сообщал Ашинов Александру III о жизни якобы формируемого им Черноморского казачьего войска. — У нас дела ведутся по советам теми людьми, которым такие дела поверяют». Казённое начальство казакам было не нужно, как утверждал Николай Иванович, они сами наводили порядок в своей среде при помощи быстрых и эффективных решений казачьего «круга»¹⁹. Читатели «Московских ведомостей» вполне могли сочувствовать и выпадам Ашинова против российской судебной практики с «пустыми болтунами» — адвокатами и некомпетентными присяжными, а также его дифирамбам в честь абиссинского суда, который быстро и справедливо вершили назначенные негусом судьи²⁰.

До какой степени высокопоставленные покровители Ашинова верили ему и его рассказам, в которых явно проглядывал вымысел? Большинство из них уверяли, что авантюрно-плутовской характер проектов «атамана» им безусловно ясен и они сотрудничают с ним, преследуя исключительно прагматические цели. Рассуждая о проникновении в отдалённые страны, Победоносцев писал Александру III 16 июля 1888 г.: «В таких делах удобным орудием бывают подобные Ашинову головорезы»²¹. Н.К. Гирсу Победоносцев в феврале 1889 г. напоминал, что «Колумб был тоже “сорви голова”»²². Баранов в письме Победоносцеву в ноябре 1888 г. сообщал, «что Ашинов плут — это многие знают», но не видел оснований отказываться от его услуг²³. Вместе с тем создаётся впечатление, что в глубине души тот же Победоносцев или Баранов всё же сочувствовали лозунгам, манерам и приёмам «атамана» и надеялись, что хотя бы часть из рассказанного им — правда. Были, впрочем, и люди, доверявшие «вольному казаку» безоговорочно и считавшие поддержку его начинаний важным направлением своей деятельности.

К их числу относился, прежде всего, Аксаков. Возвращение самодержавию «живого», народного характера являлось ключевым пунктом его политической программы. Чиновничество московский публицист признавал заведомо ненадёжным. Явление Ашинова в этих условиях служило для Аксакова доказательством правоты его излюбленной мысли о том, что в народе, под гнётом бюрократии, хранятся живые силы, которые рано или поздно проявят себя в здоровом, национальном и монархическом духе. Оно словно свидетельствовало о наличии самостоятельной народной инициативы, которой можно и нужно предоставить свободу. «Со своим бутафорским казачеством, видно, Ашинов

¹⁸ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, ч. 2, л. 10(а) об.

¹⁹ Из воспоминаний В.А. Панаева. С. 431, 426.

²⁰ Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков»... С. 45.

²¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 188.

²² Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890). М.; Л., 1926. С. 146.

²³ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, л. 57 об.

угодил ему в самую точку», — вспоминал об Аксакове дипломат и публицист Ю.С. Карцов. Говоря об «атамане», Иван Сергеевич «широко улыбался, и лицо сияло воодушевлением». «Подумаешь, — восклицал Аксаков, — чего только не сделает Петербург, чтобы широко русскую натуру втиснуть в казённые рамки, а она возьмёт, да в чём-нибудь себя и скажет... Чего только не совершит русский человек, когда над ним не тяготеет гнёт петербургской казённости?»²⁴.

Взгляды Аксакова, настроенного резко критически по отношению к бюрократической системе управления, находили, как ни парадоксально, отклик и у некоторых представителей правительственного аппарата — прежде всего, у дипломатов «игнатьевской школы», служивших под началом бывшего посла в Константинополе и разделявших его воззрения. Ярким её представителем был, в частности, М.А. Хитрово, в 1880-х гг. занимавший посты генерального консула в Каире (1883—1886) и посланника в Бухаресте (1886—1891). «По направлению славянофил, народник... поэт и широкая натура»²⁵, друг М.Д. Скобелева, близкий к семейству гр. А.К. Толстого, Хитрово благодаря связям при Дворе нередко держался особняком среди своих сослуживцев. По выражению старшего советника МИД гр. В.Н. Ламздорфа, Хитрово озаменовал свою дипломатическую деятельность «всякого рода эксцентричностями, интригами и постоянной суетой, идущей вразрез с нашими политическими видами»²⁶. Человек, в чём-то близкий по духу к Ашинову, склонный к броскому, подчас вызывающему поведению²⁷, дипломат-славянофил, будучи посланником в Бухаресте, тайно способствовал организации пророссийского восстания в Болгарии²⁸. За несколько лет до этого, познакомившись с «вольным казаком», он, видимо, сыграл решающую роль в том, что тот переключился с создания «Черноморского войска» на подготовку экспедиции в Эфиопию²⁹.

Почву для успеха Ашинова в Петербурге создавала и активная деятельность в 1880-е гг. общественных организаций, фактически являвшихся центрами параллельной, неформальной дипломатии и проводивших порою собственную политику, расходившуюся с курсом МИД. Одной из таких структур было Славянское благотворительное общество. Граф Игнатьев, игравший в нём после отставки с поста министра внутренних дел заметную роль, а также известный публицист-славянофил генерал А.А. Киреев и секретарь общества В.И. Аристов активно поддерживали «вольного казака». Киреев свёл его с морским министром И.А. Шестаковым, содействовавшим организации экспедиции в Эфиопию, Аристов занимался вербовкой её участников на Кавказе³⁰. Содействовало «атаману» к крайнему неудовольствию МИД и Императорское православное Палестинское общество, председателем которого состоял брат Александра III вел. кн. Сергей Александрович (а фактическим создателем и руководителем

²⁴ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886 гг. Воспоминания политические и личные // Море. 1906. № 35. С. 2007, 2013.

²⁵ Там же. № 25—26. С. 875.

²⁶ Ламздорф В.Н. Дневник. 1891—1892. М.; Л., 1934. С. 42.

²⁷ Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Хитрово, состоявший директором дипломатической канцелярии при главнокомандующем вел. кн. Николае Николаевиче, «ходил в фантастическом костюме и набирал шайки албанцев», получив прозвище «атамана разбойников» (Карцов Ю.С. Семь лет... // Море. 1906. № 25—26. С. 875).

²⁸ Ламздорф В.Н. Дневник... С. 38.

²⁹ Подробнее см.: Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 26.

³⁰ ОР РГБ, ф. 126, д. 10, л. 236 об.—237; д. 11, л. 60 об.—61.

был чиновник Министерства финансов В.Н. Хитрово — двоюродный брат посланника в Бухаресте). Великий князь даже разослал всем губернским предводителям дворянства циркуляр, настоятельно призывая их принять участие в организованном под эгидой Общества сборе пожертвований на экспедицию «вольных казаков»³¹.

Между тем Ашинов с его склонностью к авантюризму, мифотворчеству, театрализованному поведению быстро приспособился к настроениям своих покровителей и атмосфере внутриведомственного и межведомственного соперничества. Особое место в его высказываниях занимали выпады против чиновничества. «Атаман» особенно напирал на то, что уклад «вольного казачества» является антиподом бюрократической системы управления и, выступая против неё, «казаки» способствуют утверждению истинного смысла самодержавия. Бюрократия — в значительной степени «инородческая» по происхождению — обвинялась им в антинациональном поведении и неспособности понять истинные интересы России³². Беседуя с Киреевым в мае 1887 г., «атаман» с явным пренебрежением говорил о главноначальствующем гражданской частью на Кавказе кн. А.М. Дондукове-Корсакове, министре иностранных дел Н.К. Гирсе, советнике посольства в Константинополе М.К. Ону (именуя их соответственно «Дундук», «Гирска» и «Нуну») ³³. Уже во время экспедиции в Эфиопию он, по данным полиции, толкуя со своими спутниками, «позволял себе отзываться весьма оскорбительными словами... о высших сановниках, называя их ворами, казнокрадами, мошенниками, хриstopродавцами, обманщиками царя»³⁴.

Свои предприятия Ашинов окружал атмосферой загадочности и таинственности, подчёркивая связанную с ними опасность и те препятствия, которые создавали ему многочисленные внешние и внутренние враги. В письмах высокопоставленным покровителям «атаман» жаловался на едва ли не тотальную измену государственного аппарата, лишённого подлинно народного духа. «Ведь один Вы поняли сие дело, — писал он Победоносцеву накануне отправки в Эфиопию, — и не даром же Вас в Абиссинской земле считают генералом над всеми генералами и близким советником царю. Дай Бог побольше было бы у царя Вас, тогда бы полегче вздохнула бы Россия»³⁵. Сталкиваясь с изменой внутри правительства, преданный царю человек вынужден был выстраивать едва ли не конспиративные связи: сам Ашинов, обращаясь за поддержкой в Святейший Синод, а затем в МВД, просил, чтобы его письма остались тайной для МИД³⁶. Стремление опираться на личные связи, а не на формализованные механизмы и процедуры было весьма характерно для сторонников небюро-

³¹ «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. 1999. № 5(41). С. 38—39; Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 142.

³² Так, занимаясь в 1884—1885 гг. созданием «Черноморского казачьего войска», Ашинов обвинял столичную и местную администрацию, в которой он насчитывал немало немцев, поляков и армян, в притеснении русских поселенцев и покровительстве немецким, эстонским и греческим колонистам (Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков»... С. 25—27).

³³ ОР РГБ, ф. 126, д. 10, л. 233 об.—234.

³⁴ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. I, л. 340.

³⁵ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, ч. 2, л. 18.

³⁶ Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков»... С. 50; ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. II, л. 30 об. Своим сторонникам «атаман» заявлял, будто против него выступают влиятельные министры и сановники, «но за него стоят сам Государь и Синод, и что Синод в России имеет такую силу, что чего бы он не захотел, то всего достигнет» (Там же, т. I, л. 330).

кратического управления, как и вера в то, что царь должен непосредственно принимать решения по максимально широкому кругу дел.

Всячески демонстрируя свою неискущённость в делах высшей политики, Ашинов старательно представлял себя «простым человеком», искренне верящим в то, что самые сложные вопросы можно решить в случае личного вмешательства царя³⁷. «Прошу Вас как родного нашего защитника, — писал «вольный казак» Победоносцеву накануне отъезда в Эфиопию, — передайте государю императору, нашему царю батюшке, в собственные руки моё письмецо и попросите за нас его царскую милость про наше дело. Он отец наш, и я не думаю, чтобы нас оставил и не помог нам в тяжёлую минуту»³⁸.

Широко была распространена в писаниях Николая Ивановича и типичная для сторонников «народной» монархии мифология о том, что от царя скрывают сведения о реальном положении дел на местах, а общение с «простыми людьми» необходимо ему в том числе и для получения этой информации. «Посмотрите, — восклицал Ашинов в письме Победоносцеву в начале ноября 1888 г., — что делается на Кавказе, приготовляются царя встречать, одна только ложь, а правды нет, и Кавказ погибает, а не богатеет, хозяина нет на нём... Если бы меня царь принял бы, то услышал он всю правду»³⁹. Разумеется, монарх оставался и последней надеждой «простых людей» в борьбе против бюрократов-изменников. Уже после разгрома экспедиции «атаман» 19 апреля 1889 г. уговаривал ещё одного своего покровителя — митрополита Санкт-Петербургского Исидора (Никольского): «Одного прошу, доведите всю правду до царя батюшки, и этой изменой дипломатии несдобровать»⁴⁰.

Представление о том, что царь лично ведёт дела управления, логично переходило у «вольного казака» в претензию на установление прямого контакта с монархом и исполнение его поручений. На практике же это приобретало черты самозванчества. Путешествуя по Ближнему Востоку в период подготовки эфиопской экспедиции, Ашинов, по свидетельству современников, именовал себя «казачьим генералом» и «наказным атаманом Кубанского Черноморского войска». Позже, возглавив экспедицию, он желал, чтобы его принимали за личного посланца царя к негусу и даже показывал соратникам пакет, якобы содержащий письмо Александра III к Йоханнису IV. К пункту назначения на берегу Красного моря «вольных казаков», по словам «атамана», должен был доставить российский корвет «Рында», на котором находился «приятель» Ашинова — вел. кн. Александр Михайлович⁴¹. Во что же, в конечном счёте, вылилось предприятие «вольного казака»? Каковы были его последствия в общественно-политической жизни страны?

³⁷ Многие высокопоставленные консерваторы, в частности, Победоносцев, были глубоко убеждены, что именно так «простой народ» и воспринимает существующую в стране систему управления, пребывая в неведении обо всех трансформациях, постигших её к концу XIX в. «Преданием держится вера, что царь всё может сделать, и что от его слова преобразится лицо земли русской..., — писал сановник Александру III. — Увы! Простые люди не знают, что всё в учреждениях и людях весьма переменилось, и что приказывать стало уже не так легко, как прежде» (Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 144).

³⁸ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, ч. 2, л. 1 об.

³⁹ Там же, л. 18.

⁴⁰ Там же, д. 517, л. 23.

⁴¹ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. I, л. 37 об., 53, 335 об.

На первых порах антибюрократическая риторика и приёмы, которые использовал «атаман», принесли ему успех. Завоевав доверие инженера Панаева, он при его содействии познакомился с командующим Императорской Главной квартирой О.Б. Рихтером и главноуправляющим гражданской частью на Кавказе кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым, который поначалу благосклонно отнёсся к проектам «вольного казака». Тогда же Ашинов был представлен гр. Игнатьеву и Победоносцеву, а также Аксакову, М.Н. Каткову и А.С. Суворину. Все они горячо поддерживали его начинания. После провала попыток образовать «Кавказское казачье войско» (в состав которого должны были войти не мифические «вольные казаки», а набранные в Полтавской губ. крестьяне) Ашинов, опять-таки при содействии Аксакова, вступил в контакт с М.А. Хитрово и послом в Константинополе А.И. Нелидовым, совершил в конце 1885 — начале 1886 г. поездку в Эфиопию, что значительно укрепило репутацию «атамана» в России, несмотря на предъявлявшиеся ему уже тогда обвинения в растрате казённых денег при формировании «Кавказского казачьего войска»⁴². Летом 1887 г. его несколько раз принимал морской министр Шестаков⁴³, а Баранов, ставший в 1882 г. нижегородским губернатором, обещал ему материальную поддержку богатого поволжского купечества⁴⁴.

Весной 1888 г. Ашинов с несколькими спутниками совершил поездку на берег Красного моря, объявив об основании здесь станицы «Новая Москва». Вернувшись в Россию, он привёз с собой двух монахов эфиопского монастыря в Иерусалиме, представляя их как посланцев негуса. Монахи были приняты Александром III, после чего «атаман» получил разрешение на формирование команды добровольцев, желавших отправиться в Эфиопию. В газетах появились воззвания о сборе средств на экспедицию, вместе с которой должна была следовать духовная миссия. По распоряжению Шестакова команде Ашинова выдали оружие и даже собирались предоставить специальный пароход Добровольного флота, но в последний момент это решение было отменено, и ашиновцам пришлось довольствоваться обычным рейсовым судном, следовавшим до Александрии. Тем не менее в начале декабря 1888 г. собранный «атаманом» отряд отправился в путь. Однако к тому времени везение начало изменять «вольному казаку», и на то был ряд причин.

В своём увлечении «живыми» небюрократическими порядками Ашинов зашёл слишком далеко и пересёк черту, которую не собирались нарушать даже самые стойкие его почитатели. Возглавляя 150 человек, он, по сути, попытался стать «царьком», создать собственное «царство», игнорируя при этом распоряжения российского правительства. Едва пароход отплыл из Одессы, Ашинов начал требовать от своей команды, чтобы к нему обращались «Ваше превосходительство». При богослужении, совершаемом членами духовной миссии, Ашинова поминали сразу за особами Императорской фамилии, а после высадки на берег Красного моря он настаивал, чтобы участники экспедиции принесли присягу не только царю, но и своему предводителю и даже якобы собирался чеканить собственную монету⁴⁵. Султану (вождю) данакильцев, на-

⁴² Там же, л. 9—10.

⁴³ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882—1888 гг.). СПб., 2014. С. 321, 421, 438.

⁴⁴ Григорьева С.В. Н.И. Ашинов: африканская эпопея... С. 513—515.

⁴⁵ Абиссинская миссия архимандрита Паисия и Н.И. Ашинова. Рассказ участника экспедиции Л. Николаева. Одесса, 1889. С. 25, 45; ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. I, л. 234, 240 об., 256 об., 329 об., 346 об., 349 об.

селявших побережье, «атаман» обещал помочь с покорением соседних племён, после чего туземный владыка (видимо, совместно с «вольными казаками») стал бы господствовать над округой, собирая с проходящих караванов дань слоновой костью, золотым песком и драгоценными камнями⁴⁶.

Но, претендуя едва ли не на роль самостоятельного правителя, «атаман» даже в своей сравнительно небольшой команде не мог поддержать элементарный порядок. Отправившееся в Эфиопию воинство, набранное «с бору по сосенке» и состоявшее в значительной части из одесских босяков, вскоре оказалось неуправляемым. «Наш русский народ, — с грустью констатировал капитан Н.Я. Нестеров (один из приближённых Ашинова), — везде и всюду нуждается в крепкой дисциплинарной организации... Пока мы были в Одессе, где ухо каждого из нас поминутно тревожил свисток городского, а перед глазами сиял во всеоружии полицейский мундир, напоминавший об участке, там каждый из нас вёл себя скромно и тихо. Но как только скрылся из глаз полицейский мундир и он стал неуязвим, то народная стихия стала беспредельной»⁴⁷.

На российских, а затем австрийском пароходах, доставлявших ашиновцев до места назначения, а также во время промежуточных стоянок в Александрии и в Порт-Саиде, участники экспедиции предавались пьянству, воровству, азартным играм, дракам. На палубе, по словам Нестерова, толпа собиралась «смотреть на нас как на шумливый зверинец, на который мы были очень похожи своими постоянными драками и сталкиванием друг друга в воду»⁴⁸. После высадки на побережье Красного моря, где ашиновцы обосновались в заброшенном египетском форте Сагалло, ситуация только ухудшилась. Не слишком плодородная почва требовала тяжёлого труда, припасы быстро подходили к концу, в отряде усиливалось брожение. Недовольные бежали в соседнюю французскую колонию Обок, где жаловались на царящие в лагере «вольных казаков» насилие и беспорядки. Французы, недовольные тем, что выходцы из России поселились на их территории, потребовали от Ашинова покинуть форт, а когда «атаман» ответил отказом, из Обока прислали эскадру, обстрелявшую Сагалло (погибло 6 человек) и принудительно депортировавшую ашиновцев.

Со своей стороны, официальная российская дипломатия, прекрасно сознававшая опасность авантюристической деятельности Ашинова, способствовала срыву начинаний «атамана» и приблизила трагический финал. По замечанию А.В. Хренкова, ашиновцам не было оказано даже обычного консульского покровительства, которым пользовались все русские путешественники за границей⁴⁹. Вскоре после высадки «вольных казаков» в Сагалло Гирс разослал российским представителям за рубежом депешу, извещавшую о неофициальном характере предприятия ашиновцев и следующей с ними духовной миссии. В ней, в частности, говорилось, что «императорское правительство воздержалось не только от участия в организации... духовной миссии, но и от содей-

⁴⁶ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. I, л. 344 об. «Пойдём воевать, — якобы говорил участникам экспедиции Нестеров, — всё достанет, возьмём невольниц, невольников, и тогда каждый будет себе жить султаном, жён будет иметь, сколько хочет, кушать будет... Чего же ещё желать» (Там же, л. 352 об.—353).

⁴⁷ См.: «Воспоминания об Ашиновской экспедиции бывшего есаула в экспедиции капитана Нестерова» (Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург), архив, разряд III, оп. 3, д. 36(1), л. 56).

⁴⁸ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. I, л. 233.

⁴⁹ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 49.

ствия оной» и «не одобрит со стороны своих подданных никакого посягательства на чьи бы то ни было законные права и интересы»⁵⁰. Когда французское правительство известило Петербург, что не желает больше терпеть присутствие «вольных казаков», Гирс с одобрения Александра III фактически предоставил Парижу свободу рук. Между тем в нескольких часах хода от Сагалло тогда находилась российская канонерская лодка «Манчжур», которая вполне могла бы вывезти ашиновцев, но её капитан не получил никаких распоряжений⁵¹. «Мы сами вызвали французов на бомбардировку форта, занятого Ашиновым... Не Ольри стрелял в русских, а Коцебу с Зиновьевым и Гирсом», — возмущался Киреев⁵². Тем самым петербургский славянофил винил в случившемся не командующего французской эскадрой, расстрелявшего «казачий» лагерь, а русского советника посольства в Париже, директора Азиатского департамента и министра иностранных дел. По словам же гр. Ламздорфа, «это печальное происшествие явилось очень кстати, чтобы открыть государю глаза и проучить наших псевдо-патриотов, столько раз вводивших его величество в заблуждение»⁵³.

Разгром экспедиции Ашинова стал серьёзным ударом по сторонникам «небюрократического» самодержавия в верхах, подорвав их влияние при Дворе. Так, инцидент в Сагалло, видимо, способствовал падению авторитета Победоносцева в глазах Александра III. В феврале 1889 г. гр. Ламздорф саркастически отмечал, что обер-прокурор Синода, «как влюблённый бегаёт за моим министром» и «думает только о том, как бы доказать свою непричастность к безумной аванюре этого казака»⁵⁴. Впрочем, достичь этой цели бывшему наставнику императора так и не удалось. В начале марта 1889 г. «таинственные отправители» экспедиции Ашинова подверглись резким нападкам в передовой статье газеты «Гражданин» (её издатель и редактор кн. В.П. Мещерский, пользовавшийся вниманием императора, с ноября 1887 г. находился в открытом конфликте с Победоносцевым).

Сразу же после возвращения в Россию наиболее деятельные ашиновцы были отправлены в ссылку или отданы под надзор полиции, а самого «атамана» царь распорядился сослать на три года в один из отдалённых уездов Саратовской губ. При этом ему запретили появляться на Кавказе и подавать прошения по делу своей экспедиции. Все заявления «вольного казака» о том, что она готовилась легально и пользовалась покровительством высокопоставленных особ, все просьбы предать его гласному суду остались без результата. По выражению Александра III, Ашинов «получил только то, чего заслуживал»⁵⁵.

Однако Николай Иванович не терял надежду. «Почтительнейше прошу Вас, — обращался он к министру внутренних дел гр. Д.А. Толстому в мае 1889 г., — довести одну правду государю императору, и правда всегда возьмёт верх, и прошу его царской милости рассмотреть это дело»⁵⁶. Позже, после смерти графа, Ашинов утверждал, что некий доклад покойного с «правильной»

⁵⁰ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов / Сост. А.В. Хренков. М., 1998. С. 106.

⁵¹ Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург), архив, разряд III, оп. 3, д. 36(2), л. 71—72.

⁵² ОР РГБ, ф. 126, д. 10, л. 128, 131 об.

⁵³ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 157.

⁵⁴ Там же. С. 146, 122, 168.

⁵⁵ Там же. С. 129.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 92, д. 598, т. II, л. 30.

трактовкой случившегося не был доведён до царя⁵⁷, порывался выехать в Петербург и на Кавказ, чтобы встретиться с Александром III, а затем с Николаем II и вел. кн. Георгием Александровичем.

Какое-то время после разгрома экспедиции «вольных казаков» сторонники небюрократических начал в управлении, несмотря на печальный финал предприятия, всё же пытались поддержать «атамана». Видимо, благодаря заступничеству гр. Игнатьева в конце 1889 г. он получил возможность отбывать ссылку в имении жены в Черниговской губ.⁵⁸ В феврале 1891 г. к величайшему неудовольствию дипломатов Ашинов объявился в Париже. Проведённое расследование выявило, что заграничный паспорт ему выдал нижегородский губернатор Баранов. Другой администратор за подобный поступок подвергся бы взысканию, но Баранову, возмущался гр. Ламздорф, «всё сходит с рук, так как считается, что он популярен и пользуется расположением так называемой национальной партии»⁵⁹. В Париже Ашинов попытался возобновить установленные ещё в 1887—1888 гг. связи с французскими националистами и реваншистами, надеясь с их помощью вернуться в большую политику⁶⁰. Однако его время явно ушло. Из Петербурга последовало распоряжение немедленно вернуть Ашинова в Россию, а если он сам появится на границе — арестовать и сослать в Восточную Сибирь. И хотя за Урал «вольный казак» не попал, остаток дней ему суждено было провести преимущественно в имении жены под полицейским надзором. Конец «атамана» оказался печален: не находя выхода своей кипучей энергии, он в 1898 г. психически заболел и в 1902 г. умер.

Казалось бы, после завершения «ашиниады» ситуация в «верхах» вернулась «на круги своя», и сторонники «небюрократического» самодержавия потерпели поражение, однако в реальности всё обстояло сложнее. Недовольство бюрократией в консервативных кругах сохранялось, а их представители по-прежнему пытались придать системе управления более «живой» и неформальный характер. 5 марта 1889 г. гр. Ламздорф констатировал, что в Эфиопию с неопределённой миссией отправился очередной русский офицер, и Александр III не увидел в этом никакой опасности. «Кто знает, — беспокоился граф, — не возобновятся ли, несмотря на только что пережитый скандал, попытки новой авантюры?»⁶¹. Предчувствия его не обманули. Поручик В.Ф. Машков, а затем и поручик Н.С. Леонтьев действительно сыграли роль неофициальных послов в Эфиопию. И хотя их деятельность в итоге способствовала установлению дипломатических отношений с этой страной, в некоторых своих чертах она очень напоминала «ашиниаду»⁶². В дальнейшем стремление использовать не-

⁵⁷ Там же, л. 23—23 об. Об этом, в частности, Ашинов писал Александру III 30 августа 1891 г., вероятно, имея в виду результаты жандармского расследования по делу об экспедиции «вольных казаков». Император о них знал.

⁵⁸ Ашинов женился в 1888 г., в разгар подготовки эфиопской экспедиции, в которую он отправился вместе с женой. Его супругой стала дочь богатого черниговского помещика Софья Ивановна Ханенко, происходившая, по словам «атамана», из старинного казацкого рода (Из воспоминаний В.А. Панаева. С. 435).

⁵⁹ Ламздорф В.Н. *Дневник...* С. 61.

⁶⁰ Со своей стороны, Ж. Адан, П. Дерулед, генерал Ж. Буланже и др. рассчитывали, используя Ашинова, сблизиться с правящими кругами России и добиться заключения русско-французского союза (Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков»... С. 55—57, 68—70).

⁶¹ *Дневник В.Н. Ламздорфа...* С. 168.

⁶² См.: Хренков А.В. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) // Вопросы истории. 1999. № 2; Хренков А.В. Африканское генерал-губернаторство поручика Н.С. Леонтьева // Азия и Африка сегодня. 2001. № 4.

формальные методы в системе управления, в том числе и во внешней политике, развивалось по нарастающей, достигнув апогея в годы, предшествовавшие русско-японской войне, когда выдвинулись кн. Э.Э. Ухтомский, П.А. Бадмаев, «безобразовцы»⁶³. Не уравновешенная реформированием государственного аппарата, которое позволило бы повысить его эффективность, эта тенденция в конечном счёте оказывала разрушительное воздействие на всю систему управления империей.

⁶³ Подробнее см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 84—94, 413—508; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 83—86.